

Толерантность: от социально-государственной стратегии к индивидуальному поведенческому принципу

Постановка проблемы об источниках и природе толерантности не может осуществляться в отрыве от рефлексии над различными аспектами трактовки нравственного долга в рамках категорического императива И. Канта. Ряд философов и социологов (Э. Фромм, Дж. Ролз и др.) неоднократно обращали внимание на то, что преодоление несовершенства человека должно происходить посредством любви, а не только на основе ригорических моральных долженствований. Толерантность как необходимое свойство повседневного жизненного поведения людей в современном обществе и государстве выступает органичным продолжением состояния культурного «взрыва коммуникации», зафиксированного во второй половине XX века. Так, целевым вектором системы социальной философии немецкого мыслителя Ю. Хабермаса стало рассмотрение возможности конституирования принципиально ненасильственных (невертикальных) способов социального бытия («коммуникативных стратегий») как механизмов «универсального примирения». Фундаментальным условием возможности осуществления этой программы Хабермас полагал радикальную трансформацию европейской рациональности, в прежних своих формах моделировавшей насилие в жестких конструкциях логического дедуктивизма и технологического операционализма. По его мнению, характерная для европейского мышления субъект-объектная оппозиция обуславливает в качестве типового также и субъект-объектное (т.е. «извне деформирующее») отношение к миру. Хабермас

полагал необходимой переориентацию современного европейского мышления на принципиально субъект-субъектную структуру, моделируемую межличностным общением, – «интеракцию», понимаемую им не просто как социальное взаимодействие, но как глубинную содержательную коммуникацию в личностно значимой ее артикуляции. По Хабермасу, «стратегическое поведение» (традиционно понимаемая «деятельность») ориентировано на достижение вполне конкретных целей, что неизбежно предполагает асимметричную субъект-объектную процедуру и прагматическое использование Другого в качестве объекта (средства). В свою очередь, «коммуникативное поведение» принципиально субъект-субъектно и, предполагая принятие Другого в качестве самодостаточной ценности, может рассматриваться в категориях самодостаточной процессуальности, которая исключает какие бы то ни было цели, помимо самого акта своего осуществления. В этом отношении стремление современного человека к освобождению от любого насилия может быть реализовано только посредством становления подлинной «интеракции» (составляющей сферу «практического интереса»), в контексте которой должны быть сформулированы соответствующие идеалы и цели. Наличные формы «коммуникативного» поведения, бытующие в реальных коммуникативных практиках, не могут быть выражены, по Хабермасу, структурами социальных институтов современного общества. В результате этого сфера подлинности реального жизненного мира и наличная система легитимации и институционализации оказываются принципиально разорванными. Радикальный поворот к свободе означает, таким образом, перенос акцентов в культуре. Речь идет о переориентации ее приоритетов со сферы отношений человека, выстроенных в режиме «субъект – объект» и задающих соответствующий деформированный и одновременно деформирующий стиль мышления, на сферу межличностных коммуникаций, принципиально диалогичных, предполагающих понимание, и, в этом отношении, аксиологически симметричных по самой своей природе [1].

Следствием таких сдвигов в социальной сфере бытия современных людей выступает формирование ряда ранее не традиционных человеческих качеств: в моральной области – это, прежде всего, осознание собственной принадлежности к строю сторонников общечеловеческих ценностей, ориентация на самоопределение и открытость индивида в коммуникационном дискурсе, с предпочтением достижения согласия посредством использования ненасильственных способов и методов. В правовом аспекте – это означает реализацию социально-государственных стратегий, предоставляющих каждому человеку возможности для экономического и социального развития без какой-либо дискриминации. Маргинализация может стать и часто становится причиной массовых психологических состояний подавленности, агрессивности и враждебности (то есть – «интолерантности»).

В целом же, субъект толерантности как самоосознающий общественный тип может формироваться исключительно в контексте глобального преодоления людьми и человечеством процедур отчуждения и самоотчуждения индивида. Это, в частности, проявляется в том, что люди – в основном – не только не ощущают радикального неравенства между собой и главной массой сограждан, но и доверяют друг другу. Важно то, что такие параметры общественных умонастроений имеют не только нравственное, но и важнейшее экономическое значение.

Так, аналитически рассчитано, что предельно допустимой нижней границей доверия между людьми (при которой возможны хотя бы элементарные взаимодействия рыночного типа) является уровень в 33,3%. Согласно статистике, число людей в европейских странах, положительно отвечающих на вопрос «Доверяете ли Вы людям?», варьируется от 50 – 60% в Италии, до 85 – 90% в Германии, Франции, Великобритании и Дании. В то же время уровень доверия, например, в типично посткоммунистическом – российском – обществе находится на критически низком уровне: только 35% респондентов положительно отвечают на вопрос, доверяют ли они людям [2]. В результате же экономические реформы, осуществленные вне необходимой нравственной среды, ведут к появлению квазирынка, а не к развитию *цивилизованных* рыночных отношений [3, с. 154-159].

Толерантность – в условиях всевозрастающей мультикультурности общества, а также увеличения интенсивности и частоты межличностных контактов – выступает чуть ли не единственным общедоступным средством гармонизации социальной коммуникации. При этом она выступает в таком качестве как в формате определенных коллективных предпочтений, так и в виде индивидуального поведенческого принципа. Показателен следующий пример: «Если носитель идеала *A* значительно превосходит по силе носителя идеала *B*, то принцип непримиримости принесет ему успех, а принцип компромисса – по крайней мере, частичную неудачу. Напротив, для *B* пытаться делать выбор исторических альтернатив, руководствуясь принципом непримиримости, равносильно самоубийству, тогда как принцип компромисса может позволить ему выйти из воды сухим. При одинаковой силе *A* и *B* принцип непримиримости становится бессмысленным (патовая ситуация) и даже опасным для обоих (взаимное истощение)» [3, с. 120].

Таким образом, толерантность является единственно возможным ответом на вызовы современной эпохи. Превращение информационного общества в условиях глобализации в «плавильный тигель» всевозможных наций и национальностей, принадлежащих к различным расам, диктует настоятельную необходимость для придания ей статуса одной из ведущих нравственных максим, органически дополняющих кантовский категорический императив.

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
2. Козловски П. Этическая экономика как синтез экономической и этической теории // Вопросы философии. 1996, № 8. С. 66 – 88.
3. Баранов Г.С., Баранова Н.А. Рынок и этика: К проблеме интерактивности рыночно-экономического и этического сознания. Кемерово, 2001.